УДК 327, 327.2, 327.8

Екатерина ЭНТИНА

Никита СИНОПАЛЬНИКОВ

ФАКТОР АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА В РАЗВИТИИ СТРАН БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ И АЛБАНИИ

Аннотация. Наряду с традиционными акторами, такими как Турция, Россия, ЕС, США, в Балканском регионе присутствуют и другие, чье влияние становится предметом научного осмысления существенно реже. В этом отношении стоит выделить страны Персидского залива, присутствие которых в Европе чаще рассматривается в формате угрозы религиозной радикализации. Не отрицая наличия и важности этой проблемы, авторы статьи рассматривают более широкий контекст двусторонних и многосторонних отношений стран бывшей Югославии и Албании и государств Персидского залива. В статье сделан вывод, что рост интереса арабских государств к региону не следует сводить исключительно к вопросу распространения ислама и его радикальных проявлений.

Ключевые слова: Персидский залив, Западные Балканы, ислам на Балканах, исламская солидарность, экономика Балкан, экономика стран Персидского залива.

Общий контекст взаимоотношений

На Балканах проживает около 7 млн мусульман¹. Можно выделить три точки концентрации мусульманского населения в регионе: край Косово и Метохия, Албания, Босния и Герцеговина (БиГ). В рамках национальной политики ещё социалистической Югославии в официальный оборот был введен термин “мусульмане” для части говорящих на сербско-хорватском языке жителей Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории, Хорватии и Македонии (в отличие от иноэтничных мусульман – албанцев, турок, торбешей, помаков и др.). В 1961 г. эта группа получила

¹ Venetis D.E. Islam Emerging in the Balkans // Hellenic Foundation for European and Foreign Policy (ELIAMEP): Working Paper. 2015. N 68. P. 5.

© **Энтина Екатерина Геннадьевна** – кандидат политических наук, доцент Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, старший научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая 11-3. **E-mail:** e.entina@hse.ru ORCID: 0000-0003-4198-4870.

© **Синопальников Никита Сергеевич** – помощник заместителя декана факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. **Адрес:** 119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка 17. **E-mail:** nikita-sinopalnikov@yandex.ru ORCID: 0000-0002-8470-3023

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020131142>

статус “народности”, а в 1971 г. – была повышена до уровня “нации” (“мусульмане с большой буквы”, “мусульмане в этническом значении”), т.е. в национальной иерархии югославских народов была приравнена к государствообразующим, титульным народам Югославии и ее республик – сербам, хорватам, словенцам, македонцам и черногорцам [Waardenburg, 1997: 392]. Уже после провозглашения независимости БиГ и начала гражданской войны в республике этот этноним был снова изменен на современный термин “бошняки”, к настоящему времени воспринятый всеми сербско/хорватоязычными мусульманами бывшей Югославии и их зарубежной диаспорой. Утвердился этот термин и в международном обиходе.

Мусульмане на Балканах существенно отличаются от западноевропейских в социально-экономическом и культурологическом смыслах. К примеру, большая часть говорит на том же самом языке, что и немусульманская часть (помимо албанцев в крае Косово, Южной Сербии и Северной Македонии).

XX век стал для Балкан периодом переосмысления значения ислама, его теоретического и практического наполнения. Во многом оно подстегивалось ограничениями, которые накладывались на религиозную сферу в социалистических странах региона. Постепенно появились исламские мыслители-реформаторы. Возникший симбиоз светскости, социализма и традиционного жизненного уклада с его опорой на религию привел к тому, что на Балканах сформировался уникальный балканский ислам, сочетающий в себе более либеральные взгляды на шариат и осознанное чувство национальной идентичности.

В период, когда кризисные тенденции в СФРЮ, прорвавшись наружу, привели к принятию Конституции 1974 года, в некоторых странах Ближнего Востока стало нарастать разочарование социалистическим путем развития. На этом фоне начали набирать популярность идеи исламского фундаментализма. Существенную роль в этом процессе сыграла Исламская революция 1979 г. в Иране. Расцвет идей исламизма спровоцировал рождение радикальных организаций, таких как “Аль-Каида”¹.

В этом контексте интересен и не случаен радикальный подтекст Исламской декларации А. Изетбеговича, который открыто заявлял, что ни одно мусульманское направление не может быть оторвано от политики [Izetbegović, 1990: 19]. Выход, по А. Изетбеговичу, виделся во всеобщей борьбе за подлинную независимость против врагов, стоящих на пути исламского обновления. В 1991 г. он учредил Боснийский мусульманский национальный совет, целью которого стала пропаганда концепции мусульманского государства на Балканах [Shay, 2007: 42]. Его Партия демократического действия (ПДД) позиционировала себя как “восточная, исламская и авторитарная” [Shay, 2007: 42; Tziampiris, 2009: 212]. Таким образом Изетбегович давал понять, что Балканы – часть мусульманского мира и они готовы к воссоединению.

Борьба боснийских мусульман за независимость стала поводом для проявления к ним духовной солидарности со стороны исламского мира.

Ближний Восток осуществлял четыре вида поддержки единоверцев:

1. деятельность по изменению международной повестки;
2. гуманитарная помощь посредством официальных исламских благотворительных организаций;
3. гуманитарная и военная помощь;

¹ Организация, запрещенная на территории РФ.

4. содействие со стороны исламских террористических организаций и воинствующих исламистов [Shay, 2007: 45].

Изменение международной повестки происходило посредством консолидации арабо-мусульманского сообщества через создание информационных поводов, целью которых было привлечь внимание мировой общественности на происходящие события, а также сформировать соответствующее медиа-поле. Особое место здесь занял косовский вопрос. Конференция исламского единства 7 августа 1998 г. назвала албанский сепаратизм в Косово и Метохии джихадом и призвала арабо-мусульманский мир к борьбе с сербской диктатурой [Islamic Unity..., 1998]. С целью поддержки косовских албанцев в Европе были учреждены исламские информационные комитеты, например, Кувейтская ассоциация социальных реформ и Исламский комитет спасения [Saheeb, 2008: 74].

По данным болгарского аналитического портала “Булгария аналитика”, на территории Балкан было открыто 245 благотворительных фондов [Lilyanova, 2017]. С 1992 г. в БиГ работает “Исламская помощь”, которая была одной из первых неправительственных организаций (НПО), оказавших гуманитарную помощь Боснии и Герцеговине. Она занималась восстановлением разрушенных школ, зданий и мечетей, а с 2001 г. начала выдавать беспроцентные займы с целью поддержки безработного мусульманского населения [25 years..., 2018]. Офисы “Исламской помощи” были открыты в столице Албании вместе с мусульманскими общинными и учебными учреждениями, центрами первой медицинской помощи [Albania..., 2018].

Третий вид поддержки – непосредственная помощь арабских государств – осуществлялась ОАЭ, Катаром и Кувейтом, однако, считается, что лидером среди иностранных доноров было Королевство Саудовская Аравия (КСА), оказывающее помощь через НПО [Mandaci, 2018: 349]. В 1991 г. саудовцы учредили программу гуманитарной помощи боснийским мусульманам, которая просуществовала до 2011 г. (завершилась из-за начала арабской весны и связанной с ней переориентацией). Её объем только в первый год составил 560 млн долл. [Saudi Arabia ends..., 2011]. Больше всего арабских НПО было открыто в Загребе, Сараево, Зенице и Тузле, но их активность ограничивалась мусульманскими районами Северо-Восточной и Центральной Боснии и Герцеговины [Agency..., 1996]. Финансовую помощь саудовцы предоставляли через благотворительные фонды: Всемирную мусульманскую Лигу, фонд аль-Харамейн, Международную исламскую организацию помощи, Всемирную Ассамблею мусульманской молодежи, Общество Красного полумесяца Саудовской Аравии, Исламскую организацию вакуфов и Гуманитарную организацию Мекки [Lilyanova, 2017]. Наконец, во время кризиса 1999 г. в Косово саудовцы направили в край 1300 добровольцев [Tziampiris, 2009: 210].

Грань между официальной государственной помощью мусульманам Балкан и военной поддержкой со стороны международных террористических организаций была и остается достаточно условной. Можно говорить, что одна треть арабских НПО на Балканах занималась поддержкой террористических организаций, таких как Аль-Гамаат аль-Исламия (Египет), ХАМАС (Палестина), Хезболла (Ливан), некоторых алжирских радикальных группировок, а также “Аль-Каиды” [Agency..., 1996]. Чтобы пересечь границу, боевики использовали документы сотрудников гуманитарных миссий [Shay, 2007: 49]. Высший комитет КСА был создан принцем Салманом (нынешним королем) под покровительством его отца короля Фахда. Он

занимался сбором и распределением гуманитарной помощи на Балканах. В 2002 г. он был обвинен в финансировании ХАМАС и алжирских террористических организаций. Спонсором этих радикальных группировок также был и Благотворительный комитет Катара [Shay, 2007: 60, 62].

Долгосрочной целью террористических организаций была не столько благотворительность и гуманитарная помощь балканским мусульманам, сколько создание в этой части Европы подконтрольного пространства (по некоторым оценкам, в форме государства). Это косвенно доказывает тот факт, что лидер “Аль-Каиды” – Усама бен Ладен – в 1990-х гг. посещал Балканы с целью налаживания контактов. В 1993 г. он впервые встретился с А. Изетбеговичем в БиГ, также в период с 1994 по 1997 г. несколько раз посещал Албанию [Tziampiris, 2009: 215].

Логично предположить, что именно с целью контроля и защиты созданной на Балканах террористической сети с лета 1992 г. в регион начали массово мигрировать афганские моджахеды. Их численность в одной Боснии, по разным оценкам, составляла от 4 до 6 тыс. человек [Tziampiris, 2009: 213]. В Боснии в 1992 г. они сформировали первый отряд “Катибат аль-Муджахедин”, а к 1995 г. на стороне боснийских мусульман сражались уже десять отрядов моджахедов [Bardos, 2014: 74].

Согласно Дейтонским соглашениям, все иностранные военные силы были обязаны покинуть территорию БиГ в течение 30 дней, однако, по разным данным, от 40 до 740 боевиков получили боснийское гражданство. Они либо взяли в жёны боснийских мусульманок, либо были лицами без гражданства [Tziampiris, 2009: 214; Pena, 2004: 67]. В 1998 г. оставшиеся на Балканах моджахеды частично передислоцировались в Косово и стали помогать албанским мусульманам. Летом 1998 г. при поддержке ЦРУ албанская разведка провела операцию по захвату ячейки исламистов в Косово [Kugor, 2001]. Тем не менее, косовары сохраняли контакты с террористическими организациями и опирались на их помощь как в 1999 г., так и во время конфликта в Македонии в 2001 г. [Shay, 2007: 112–114].

Экономическая основа региональной стратегии

После теракта 11 сентября 2001 г. Белый дом начал активнее давить на государства бывшей Югославии и Албанию в вопросе борьбы с терроризмом, мотивируя это тем, что некоторые террористы были переброшены в США через Балканы [Bardos, 2014: 74]. В рамках сотрудничества по антитеррористической повестке в БиГ после теракта закрыли 14 арабских благотворительных организаций, финансируемых КСА [Gulf..., 2015]. Параллельно Албания начала обмениваться с США и другими странами данными для выявления активных террористических ячеек с последующей их ликвидацией. В 2002 г. албанцы приняли национальный план по борьбе с терроризмом [Tziampiris, 2009: 215].

Официальные власти арабских государств также стали отходить от применения ярко выраженного религиозного подтекста по отношению к своей политике в регионе. Они стали осуществлять “культурно-религиозную экспансию” постепенно, в том числе через использование экономических инструментов. Отказ от открытого радикализма был трансформирован в политику “мягкой” силы. Странам Персидского залива удалось занять в течение второй половины 2000-х – 2010-е гг. свою финансово-экономическую нишу в Юго-Восточной Европе. С начала 2010-х гг. можно говорить о том, что значительным ресурсом в политике данных государств

становится сфера т.н. “халяльных туризма и моды” (политики создания сфер, организованных по всем канонам шариата, в мусульманских странах и регионах, которые потенциально интересны для поколения арабских “миллениалов” в качестве туристических и бизнес направлений).

С начала мирового продовольственного кризиса 2008 г. аравийские монархии приступили к реализации масштабной стратегии по инвестированию в зарубежные сельскохозяйственные земли [Бирюков, 2017: 41] и строительный сектор. Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар и Кувейт разделили сферы влияния на Балканах.

7 августа 2009 г. саудовцы де-юре признали суверенитет Косова. Решение было принято после подписания Советом министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества (до 2011 г. – Организация Исламская конференция) резолюции о независимости Косова. Активные политико-экономические связи Саудовская Аравия сохраняет и развивает с Косово, БиГ, Албанией и Сербией. КСА продолжает оказывать Косову финансовую поддержку: оно обязалось инвестировать 70 млн долл. на развитие косовской инфраструктуры и сферы здравоохранения через Фонд развития Саудовской Аравии [Feuerabend, 2018: 19–20].

В БиГ и Албании саудовцы развивают сельское хозяйство с расчетом на импорт произведенной на Балканах продукции в рамках своей международной программы продовольственной безопасности. В 2012 г. Фонд развития Саудовской Аравии инвестировал в боснийское сельскохозяйственное производство, получив поддержку от Международного фонда сельского хозяйства. В Албании государство владеет 134 тыс. га или 20% пахотных земель, что позволяет ему предлагать саудовским инвесторам выгодные условия сделок [Arabic Courses..., 2016].

В 2000 г. в Сараево был открыт филиал Боснийского международного банка. Его владельцами являются подконтрольный саудовцам Исламский банк развития, Исламский банк Абу-Даби и Исламский банк Дубая с уставным капиталом 45,46%, 27,27% и 27,27% соответственно. Этот банк с 2010 г. является инициатором организации Международного боснийского бизнес-форума [Sarajevo Business..., 2018].

Одним из крупных саудовских проектов является Сараевский Сити Центр, построенный “Аш-Шидди Групп”. Наряду с этим, инвестиционное агентство “Малак Групп” заявило о намерении построить эко-ферму вдобавок к уже возведённым отелю “Малак Редженси” и деревообрабатывающему предприятию “Малак Джандж” [Sarajevo City..., 2014]. В абсолютных цифрах региональной торговли данные инвестиции малы, однако применительно к отдельно взятой ситуации в Боснии, где инвестиционный климат крайне непривлекателен, они являются заметными и экономически, и имиджево.

С Сербией КСА установили дипломатические отношения 4 февраля 2013 г. [Decision..., 2013]. Через два года было подписано соглашение о развитии туризма и инвестиционных проектов [МЕЕХ..., 2015]. Однако Сербия вместе с БиГ, Албанией, Черногорией и Македонией заняла позицию экспортера оружия и боеприпасов: по данным ООН, в 2016 г. Сербия продала вооружений на 406 млн евро, опередив Боснию (104,3 млн евро) и Албанию (1,28 млн евро). Саудовская Аравия в том же году стала лидером по закупке вооружения на Балканах, приобретя его на 118 млн евро, а его общая экспортная стоимость составила – 514,6 млн евро [Saudi Arabia Largest..., 2018; Balkan States..., 2018]. По мнению Питера Веземана, эксперта Стокгольмского международного института исследований мира, большая часть ору-

жия, боеприпасов и амуниции – устаревшие экземпляры. В этой связи есть все основания полагать, что саудовцы скупали это вооружение по относительно низким ценам для войны в Сирии, так как в разгар сирийских событий 2012 г. саудовский экспорт составил не менее 1,2 млрд евро [Balkan States..., 2018].

В сферу интересов ОАЭ, главным образом, попадают Сербия и Босния, где Эмираты реализуют как стандартные, так и амбициозные экономические проекты. Любопытно, что Сербия – сфера интересов эмирата Абу-Даби, тогда как роль спонсора БиГ взял на себя эмират Дубай. Эмираты основали в Белграде исламский банк “Мирабанк” [Feuerabend, 2018: 37]. После этого сербам был предоставлен низкопроцентный кредит на сумму 1 млрд долл. [Mandaci, 2018: 349]. 1 августа 2013 г. эмиратская авиакомпания Etihad Airways подписала соглашение о создании новой авиакомпании Serbia Airlines вместо оставшейся от социалистических времен JAT [Entina, 2018: 16]. Как и Саудовская Аравия, Эмираты инвестируют в сельскохозяйственный сектор. 4 июля 2014 г. между Сербией и Абу-Даби был подписан контракт о создании совместной компании “Ар-Рафавед”, которая приобрела по относительно низкой цене более 10 тыс. га земли в Воеводине. Кроме нее, 300 млн евро в сельское хозяйство инвестировала компания “Ад-Дахра”, сотрудничество с которой началось 12 марта 2013 г. [Feuerabend, 2018: 37]. По соглашению, “Ад-Дахра” должна была приобрести 9 тыс. га земли, из которых в ее собственности доля в 80%, а также получить в аренду 14 тыс. га пахотной земли, параллельно инвестируя 100 млн евро в сельскохозяйственное оборудование и ирригационные системы [Feuerabend, 2018: 37; Mandaci, 2018: 349].

Кроме сельского хозяйства, как и КСА, Эмираты заключают сделки в военно-промышленном секторе, однако они не ограничиваются закупкой вооружения и налаживают совместное производство оружия. В 2013 г. Эмиратский холдинг углублённых исследований и технологий подписал с сербской государственной оборонной компанией “Югоимпорт” договор по совместному производству крылатых ракет, стоимость которого оценили в 200 млн евро [Mandaci, 2018: 349–350].

Наиболее амбициозным является эмиратский проект “Белград на воде”, который оценивается в сумму от 3 до 3,6 млрд евро и с 2015 г. финансируется инвестиционной компанией Абу-Даби “Игл Хилс Пропертис” [Surk, 2018]. Важно обратить внимание на стоимость жилых помещений (2,5 - 2,7 тыс. евро за 1 кв м), что очень дорого для среднестатистического серба. Представляется, что арабы строят “Белград на воде” для самих себя [Vjelotomic, 2018], либо строительство преследует какие-то менее прозрачные цели.

Крупнейшим проектом БиГ является строительство города Бурож Озон. Его сдача в эксплуатацию назначена на 2025 г. План предусматривает сооружение полностью автоматизированного города к юго-западу от Сараево [Bardos, 2014]. Проект предусматривает строительство 75 отелей, 2 тыс. вилл, не считая жилых и офисных зданий, ресторанов и клубов, торговых центров и горнолыжного курорта, а также школ, колледжей и университетов. [“After the war...”, 2018]. С одной стороны, его реализация даст 20 тыс. новых рабочих мест. С другой, таким образом создается замкнутая инфраструктура для развития особого типа халяльного туризма, ставшего популярным у молодых арабов.

Не дожидаясь открытия Бурож Озона, арабы уже скупают в БиГ значительные по площади участки земли: за последние годы у них во владении оказалось уже

около 350 га, что подняло цены на недвижимость в два раза. Наиболее привлекательным является муниципалитет Илиджа, где появились полностью арабские кварталы. Редактор портала “Босна Таймс” выдвинул предположение, что такая массовая скупка земли связана со стремлением арабов получить европейское гражданство в случае вступления БиГ в ЕС, которое, по их представлению, рано или поздно произойдет [Арабы скупают..., 2017]. Не крупные, но значимые проекты ОАЭ реализует в крае Косово. Наиболее привлекательным стал запуск в 2014 году международных рейсов авиакомпании Etihad через Приштину [Bardos, 2016].

Можно согласиться с мнением Наза Масраффа, который видит в деятельности ОАЭ на Балканах стремление так диверсифицировать свою экономику, чтобы государственный бюджет не был привязан к экспорту углеводородов [EU hopeful Serbia..., 2013]. Любопытно, что Эмираты не рассматривают существующие внутрирегиональные противоречия в качестве тормозящего фактора, работая со всеми странами бывшей Югославии и Албанией. Однако цена завершённых строительных объектов определенно говорит о том, что целевой аудиторией являются сами арабы, хотя их проекты, очевидно, предполагают создание существенного количества рабочих мест и стимулирование экономического роста стран-реципиентов.

Один из главных соперников Саудовской Аравии на Ближнем Востоке, Катар, занял иную нишу на Балканах, сосредоточившись на Боснии, Албании и Северной Македонии. Примечательно, что Катар – единственная из стран Залива, которая имеет посольство в Скопье [Feuerabend, 2018: 12]. Основными направлениями сотрудничества являются туризм и авиоперевозки: соответствующие соглашения были подписаны с Албанией в 2011 г., с Македонией – в 2013 г.

Другое направление, на котором Катар преуспевает лучше своих арабских конкурентов, это медиарынок. Доха создала балканское отделение СМИ “Аль-Джазира”, не нарушив закон о том, что иностранные агентства должны иметь менее 51% акций [Pobrić, 2016]. Вещание было начато в 2011 г. из столицы Боснии и Герцеговины на весь регион Западных Балкан [Mandaci, 2018: 356]. Сегодня это один из наиболее популярных местных каналов, что обеспечивает не только Катару, но и арабскому миру в целом информационное влияние в государствах геополитического перекрестья, к которым принадлежат балканские страны.

Кувейт в Балканском регионе пока связан только с Албанией и БиГ. В Албании с целью развития сферы туризма Кувейт сосредотачивает свои инвестиционные потоки на проектировании и строительстве инфраструктуры [Bardos, 2016]. В БиГ на территории общины Хаджичи Кувейт, следуя примеру ОАЭ, построил собственный комплекс “Сараево Резорт” из 160 вилл и апартаментов [“Sarajevo Resort”..., 2016]. На горе Игман возводятся 246 жилых строений [Bardos, 2016].

Из приведённого анализа следует, что власти стран Залива отошли от неприятия радикализма по отношению к государствам постюгославского пространства и Албании и установили стабильные и в целом диверсифицированные экономические связи с регионом. Они частично “работают” на экономическое восстановление территорий. Балканы также интересны странам Персидского залива как направление, с помощью которого минимизируется продовольственная проблема, а также развивается имеющая глубокий цивилизационный подтекст концепция “халляльного” туризма.

Культурно-религиозный фактор

Было бы наивным полагать, что финансово-экономическое сотрудничество для аравийских монархий полностью обособлено от политики и культурно-религиозной сферы. Как справедливо отмечает российский экономист Е.С. Бирюков, “наблюдается совершенно удивительная корреляция, заключающаяся в том, что основными саудовскими кланами, инвестирующими в зарубежные активы, являются те же самые кланы, которые создают по всему миру сеть исламских банков и религиозных организаций” [Бирюков, 2017: 41]. Параллельно с финансово-экономическим сотрудничеством арабы продолжают “экспортировать” ислам, арабские культуру и язык на Балканы. Это постепенно видоизменяет образ балканских государств, вызывая озабоченность как экспертного сообщества и населения, так и международных сил, в первую очередь, ЕС. Как точно указывает Е. Г. Пономарева, “ближневосточные страны и радикальные исламистские группировки, в том числе структуры международного терроризма во многом воспроизводят “венский рецепт” гуманитарного влияния, уделяя пристальное внимание формированию национального сознания” [Пономарева, 2019: 165].

Наибольшее беспокойство вызывает строительство мечетей и особых образовательных структур, именуемых “джамаатами”, а также наличие т.н. “параджаматов” как “серых” зон, представляющих собой парамилитарные базы, в которых осуществляются индоктринация, боевая подготовка и другие действия по формированию боевиков [Пономарева, Димитровска, 2018]. В культурно-религиозном отношении важно рассмотреть именно деятельность джамаатов. Они создают для мусульманского населения такие общественные институты, как ясли и детские сады, организуют языковые курсы, предоставляют возможность получить исламское образование за границей [The challenge..., 2018]. Деятельность джамаатов законодательно не регулируется, а у преподавателей-богословов часто нет педагогической квалификации [Lilyanova, 2017]. Вместе с уже существующими “зонами неправа”, параджаматами, наличие подобных институтов вызывает опасения, особенно учитывая невозможность воссоздания объективной картины по мигрантам, прошедшим в 2015–2019 гг. через балканский маршрут. Саудовцы построили в Боснии школу-интернат Аль-Валидейн Газез для детей из неблагополучных семей, предоставив им, с одной стороны, условия [Pobrić, 2016], а с другой – пропагандируя таким образом исторически нехарактерный для региона тип ислама. В Зенице и Бихаче при саудовской финансовой поддержке в местных университетах были открыты исламские факультеты [Bardos, 2014]. В Сараево саудовцы возвели мечеть имени короля Фахда, которая, помимо непосредственных функций, предоставляет боснийцам спектр образовательных услуг [Lilyanova, 2017].

Катар инициировал грантовое соглашение на восстановление школы “Джероним де Рада” в Тиране [Qatar, Albania sign..., 2018]. В сербском санджаке в городе Нови-Пазар ОАЭ инвестировали в строительство детского сада и крупной школы. Практически все учреждения, основанные или финансируемые арабами, открывают бесплатные группы по изучению арабского языка и популяризируют его среди балканского мусульманского населения.

Возведённые арабами мечети чаще всего становятся центрами сосредоточения ваххабистской интерпретации ислама. Утверждается, что мечети и джамааты вме-

сте с популяризацией арабского языка распространяют радикальные исламистские и даже джихадистские идеи [Lilyanova, 2017].

Тезис о распространении радикализма среди мусульманского населения Балкан через учреждённые арабами институты основывается, не в последнюю очередь, на статистических данных числа жителей региона, отправившихся воевать в Сирию и Ирак. Согласно аналитической записке Форума исследований экстремизма на Западных Балканах, воевать на Ближний Восток отправилось 878 человек, из которых 723 мужчин и 155 женщин. При этом в тройку лидеров стран-доноров входят т.н. “Республика Косово” (303 чел., самое большое число в процентном соотношении к населению), БиГ (240 чел.) и Северная Македония (154 чел.). Гордон Бардос, сотрудник Американского центра демократии, утверждает, что проповеди Назима Халиловича-Мудериса, имама мечети короля Фахда, включали в себя выражения антиамериканского и шовинистского характера. Тезис о том, что мечеть является одной из наиболее мощных площадок пропаганды радикального ислама, разделяется большинством исследователей современного ислама в БиГ – как отечественных, так и зарубежных. Одной мечетью проблема не ограничена: примерно такие же идеи разделяют и пропагандируют на исламских факультетах частных университетов.

Несмотря на то что мировое сообщество с самого начала крайне негативно оценивало присутствие “братьев по вере” с Ближнего Востока в Юго-Восточной Европе, относительно их общего влияния существуют разные оценки. Солидная часть сербских и мировых экспертов склонны оценивать ситуацию так: “Балканы превратились в перевалочный пункт исламского терроризма, а сам балканский ислам подвергается “ваххабизации” [Bougarel, 2005].

Региональный совет по сотрудничеству (заменивший Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы) в своем докладе о ситуации в регионе за 2016 г. ставит в качестве одной из центральных проблему безопасности, демонстрируя озабоченность “возросшими инвестициями и туристическим потоком из стран Залива с очевидно консервативными взглядами на веру и одежду, что отражается в росте популярности консервативного ислама в отдельных общинах БиГ” [Annual Report, 2016: 27]. В дискурсе ЕС мусульманское население на Балканах в целом представляется как светское, мирное и умеренное. Отчасти это вызывает обратный эффект у адептов ислама: “данный предполагаемый секуляризм подвергается двойному нападению со стороны новых радикальных идеологий с Ближнего Востока, а также организованной преступности и террористических сетей” [Fazlic, 2011: 7], провоцируя усиление деятельности, направленной на исламизацию.

* * *

Основная религия на Балканах – не ислам, православие или католичество, а пессимизм, вызванный отсутствием у региона социально-экономических перспектив, а также усталостью от неопределённости европейского будущего стран бывшей Югославии. Именно эти факторы закладывают основы для радикализма любого толка, в том числе и религиозного.

Хотя сами страны Юго-Восточной Европы в целом довольно интенсивно сотрудничают как по линии НАТО, так и по линии ЕС в деле борьбы с терроризмом и исламским радикализмом, должного эффекта это не приносит. Национальная стратегия Албании по развитию и интеграции (2015 г.), Косовская стратегия борьбы с

терроризмом (2015 г.) и Македонская национальная стратегия борьбы с терроризмом (2016 г.) предусматривают передачу разведывательных данных различным службам безопасности, в том числе НАТО и ЕС. В этих стратегиях мусульманские общины отдельно не упоминаются, однако на практике действия очевидно нацелены на них, о чем свидетельствуют контртеррористические рейды в Албании и крае Косово и Метохия [Rexhepi, 2018].

Экономические инструменты и инструменты по постепенному изменению национального самосознания мусульман стран бывшей Югославии и Албании делают объективно невыгодной для государств Персидского залива ставку исключительно на радикализм и джихадизм. Не имея единой общеарабской стратегии экономико-политической и культурно-религиозной интервенции на территорию Юго-Восточной Европы, ОАЭ и Кувейт создают на Балканах элитные апартаменты, отели и даже поселения для своих соотечественников, тем самым пропагандируя “правовверный” образ жизни. Саудовская Аравия также готовит рабочую силу, бесплатно обучая балканских мусульман арабскому языку. В какую сторону качнется данный весьма шаткий баланс между цивилизационно-религиозным влиянием и исламской уммой в экономической сфере, зависит, в первую очередь, от политики ЕС и США в отношении Балканского региона, Турции, Ближнего Востока. При этом геополитическая составляющая радикального ислама и деятельности террористических организаций мало чем отличается от геополитического восприятия Балкан ведущими мировыми силами. Весьма точной в этом плане представляется характеристика, данная Кристофером Дэлизо в монографии “Надвигающийся Балканский халифат”: “Для США, России, ЕС Балканы – в меньшей степени мозаика уникальных наций, в большей – связанная операционная зона, где топографические вызовы перевешивают политические. Это мало чем отличается, в конечном итоге, от того, как видят себе регион исламисты и террористические организации” [Deliso, 2017: 189]. В таком единстве восприятия региона исторически заключалась его взрывоопасность и способность любого внешнего фактора стать катализатором внутренних проблем. Арабский мир через экономическую и религиозную экспансию создал на Балканах плацдарм влияния как на региональные, так и внутриевропейские процессы и внешнюю политику, прежде всего, ЕС, а косвенно – и других региональных и вне-региональных акторов.

Список литературы

Арабы скупают все больше недвижимости в Боснии и Герцеговине (2017) URL: <https://cadaily.com/ru/news/2017/08/15/araby-skupayut-vse-bolshe-nedvizhimosti-v-bosnii-i-gercegovine> (дата обращения: 05.03.2019).

Бирюков Е. С. (2017) Инвестиции в земельные ресурсы как новый тренд в глобальном управлении и международных экономических отношениях (на примере инвестиций аравийских монархий), *Международная торговля и торговая политика*, № 4 (12), с. 38–52.

Пономарева Е. Г., Димитровска А. (2018) Противодействие терроризму и экстремизму. Опыт Балканских стран, *Обозреватель*, №10 (345), с. 37–54.

Пономарева Е. (2019) “Новое прошлое”: албанский вопрос в европейской политике, *Современная Европа*, № 7, с. 158–167.

References

“After the war we saw there were a lot of investment opportunities in Bosnia” (2018) Available at: <https://www.euronews.com/2018/04/27/after-the-war-we-saw-there-were-a-lot-of-investment-opportunities-in-bosnia> (accessed: 05.03.2019).

Annual Report of the Secretary General of the Regional Cooperation Council 2016-2017 Regional Cooperation Council, 2016.

"Sarajevo Resort", *arapska investicija u Oseniku* (2016) Available at: https://www.youtube.com/watch?v=v_8z6ZZBSd8 (accessed: 07.03.2019).

25 years in Bosnia-Herzegovina (2018) Available at: <https://www.islamic-relief.org.uk/about-us/where-we-work/bosnia-herzegovina/> (accessed: 15.02.2019).

Agency C.I. Report on NGOs With Terror Links (1996) Available at: https://en.wikisource.org/wiki/CIA_Report_on_NGOs_With_Terror_Links (accessed: 20.02.2019).

Albania (2018) Available at: <https://www.islamic-relief.org.uk/about-us/where-we-work/albania/> (accessed: 15.02.2019).

Arapske investicije u Srbiji: Više euforije nego ekonomije (2016) Available at: <http://balkans.aljazeera.net/vijesti/arapske-investicije-u-srbiji-vise-euforije-nego-ekonomije> (accessed: 27.02.2019).

Balkan States Mull Halting Arms Sales to Saudis (2018) Available at: <https://balkaninsight.com/2018/10/24/balkan-states-mull-halting-arms-sales-to-saudis-10-24-2018/> (accessed: 25.02.2019).

Bardos G. (2014) Jihad in the Balkans: The next generation, *World Affairs*, vol. 177, no. 3, pp. 73–79.

Bardos G. (2016) *Arabia Moves to Bosnia: The implications of the Middle-Eastern influx into Central Bosnia*, available at: <http://acdemocracy.org/arabia-moves-to-bosnia-the-implications-of-the-middle-eastern-influx-into-central-bosnia/> (accessed: 20.02.2019).

Benjamin E.S. (2018) European Countries with the Largest Muslim Populations, *Worldatlas*, 25 May, available at: <https://www.worldatlas.com/articles/european-countries-with-large-muslim-populations.html> (accessed: 03.01.2019).

Biryukov E. S. (2017) Global land grab as a new trend in global governance and international economic relations (on the example of the GCC states investments), *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, no. 4 (12), pp. 38–52.

Bougarel X. (2005) The Role of Balkan Muslims in Building a European Islam, *EPC Issue Paper*, available at: https://www.researchgate.net/publication/32230189_The_Role_of_Balkan_Muslims_in_Building_a_European_Islam (accessed: 03.01.2019).

Decision of the Government of the Republic of Serbia to establish diplomatic relations with the Kingdom of Saudi Arabia on resident basis (2013) Available at: <http://www.mfa.gov.rs/en/component/content/article/11800-press-statement-on-the-decision-of-the-government-of-the-republic-of-serbia-to-establish-diplomatic-relations-with-the-kingdom-of-saudi-arabia-on-resident-basis-adopted-on-4-february-2013> (accessed: 25.02.2019).

Deliso C. (2007) The coming Balkan Chaliphate. The Threat of Radical Islam to Europe and the West. Greenwood Publishing Group, London, UK, 213 p.

Entina E., Pivovarenko A., Novacović D. (2018) Where are the Balkans Heading? A new cooperation paradigm for Russia, *Valdai Discussion Club Report*, available at: <http://valdaiclub.com/files/19381/> (accessed: 10.10.2018).

Fazlic H. (2011) Islam in the successor states of former Yugoslavia – religious changes in the post-communist Balkans from 1989 – 2009, Abstract of Ph.D. dissertation, University of Birmingham, Birmingham, UK.

Feyerabend F. (2018) The influence of external actors in the Western Balkans, *Konrad Adenauer Stiftung*, available at: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=194afc48-b3be-e3bc-d1da-02771a223f73&groupId=252038 (accessed: 25.02.2019).

Islamic Unity Conference (1998) Available at: <https://www.c-span.org/video/?109792-1/islamic-unity-conference> (accessed: 15.02.2019).

Izetbegović A. (1990) The Islamic Declaration, Sarajevo, Bosna, 64 p.

Karić E. (2002) Islamic thought in Bosnia-Herzegovina in the 20th Century: debates on revival and reform, *Islamic studies* [Electronic], vol. 41, no. 3, pp. 391–444, available at: URL: <https://www.jstor.org/stable/20837210> (accessed: 03.01.2019).

Kuorup M. (2001) European Jihads: Al Qaeda's Balkan links, *The Wall Street Journal*, available at: <https://www.wsj.com/articles/SB1004563569751363760> (accessed: 20.02.2019).

- Lilyanova V. (2017) Saudi Arabia in the Western Balkans, available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA\(2017\)614582_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA(2017)614582_EN.pdf) (accessed: 20.02.2019).
- Mandaci N. (2018) Western Balkans and the Gulf: Interregionalism in the making, *Mediterranean Politics*, vol. 23, no. 3, pp. 340–363.
- Pena C. (2005) Al Qaida: the Balkans Connection, *Mediterranean Quarterly*, vol. 16, pp. 65–76.
- Pobrić N. (2016) *Ovo su najznačajnije arapske investicije u BiH*, available at: <http://www.source.ba/clanak/Nedim/399742/Ovo-su-najznacajnije-arapske-investicije-u-BiH> (accessed: 05.03.2019).
- Qatar, Albania sign grant agreement* (2018) Available at: <https://www.gulf-times.com/story/609643/Qatar-Albania-sign-grant-agreement> (accessed: 12.03.2019).
- Rexhepi P. (2018) Arab others at European borders: racializing religion and refugees along the Balkan Route, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 14, no. 12, pp. 1–20.
- Saheeb J. (2008) Arab views on Balkan's Muslims: an attempt at shedding more light of the role of Islamic fundamentalists, *Politics and religion*, vol. 2, no. 1, pp. 64–76.
- Sarajevo City Centre was opened in Sarajevo* (2014) Available at: <http://fipa.gov.ba/ufokusu/default.aspx?id=5273&langTag=en-US> (accessed: 25.02.2019).
- Saudi Arabia ends an almost decade-old aid program to Bosnia* (2011) Available at: <https://www.geo.tv/latest/36637-saudi-arabia-ends-an-almost-decade-old-aid-program-to-bosnia> (accessed: 15.02.2019).
- Saudi Arabia Largest Arms Buyer from Western Balkans in 2016: UN Report – Al-Manar TV Lebanon* (2018) Available at: <http://english.almanar.com.lb/535273> (accessed: 25.02.2019).
- Shay S. (2007) *Islamic terror and the Balkans*, Transaction Publishers, London, UK, 213 p.
- Surk B. (2018) *To Build Dubai of the Balkans, Serbia Deploys Bulldozers and Baseball Bats*, available at: <https://www.nytimes.com/2018/04/29/world/europe/serbia-belgrade-waterfront-uae-aleksandar-vucic.html> (accessed: 27.02.2019).
- The challenge of para-jamaats in Bosnia-Herzegovina* (2018) Available at: <https://europaenext.eu/2018/06/20/the-challenge-of-para-jamaats-in-bosnia-herzegovina/> (accessed: 25.04.2019).
- Tziampiris A. (2009) Assessing Islamic terrorism in the Western Balkans: the state of the debate, *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 11, no. 2, pp. 209–219.
- Venetis D.E. (2015) Islam Emerging in the Balkans, *Hellenic Foundation for European and Foreign Policy (ELIAMEP)*, Working Paper, no 68.
- Waardenburg J. (1997) Politics and religion in the Balkans, *Islamic studies*, vol. 36, no. 2/3, pp. 383–402, available at: <https://www.jstor.org/stable/23076202> (accessed: 03.01.2019).

The Factor of the Arab-Muslim World in the Development of the Countries of Former Yugoslavia and Albania

Authors: Entina E., Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor of National Research University “Higher School of Economics”, Senior Researcher of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** e.entina@hse.ru

Sinopalnikov N., Deputy Dean Assistant at the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University “Higher School of Economics”. **Address:** 17, Malaya Ordinka str., Moscow, Russia, 119017. **E-mail:** nikita-sinopalnikov@yandex.ru

Abstract. During last decade one can see the activization of traditional Balkan chessboard actors such as Turkey, Russia, EU and its members, but also activity of actors who are relatively new for the region is developing. Among them, it is worth highlighting the Gulf countries, whose influence in Europe is more commonly regarded as a threat of Islamization and religious radicalization. Without denying this phenomenon, the authors of the article consider a wider span of bilateral and multilateral relations between the countries of the Balkan region and the Persian Gulf states. The article explains why the growing interest of the Arab states in the Balkans should not be reduced to the issue of Islamization and radicalization.

Key words: Persian Gulf, Western Balkans, Islam in the Balkans, Islamic solidarity, economy of the Balkans, economy of the Persian Gulf countries.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020131142>

Современная Европа, 2020, №2